

АРТЕФАКТ

ДЕТЕКТИВ

**Читайте повести
Виктории ЛИСОВСКОЙ
в серии «Артефакт&Детектив»:**

Клад Василия Блаженного

Путь к золоту Рюрика

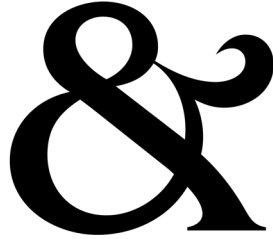
Сокровища Петра Первого

Перстень русского дракона

Русалки Обводного канала

АРТЕФАКТ

ДЕТЕКТИВ

Виктория ЛИСОВСКАЯ

Русалки
Обводного
канала

МОСКВА
2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л63

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 vmirefiction

Редактор серии *Е. Ирмеш*
Разработка серийного оформления *С. Курбатова*

Лисовская, Виктория.
Л63 Русалки Обводного канала : [роман] /
Виктория Лисовская. — Москва : Эксмо,
2023. — 288 с. — (Артефакт & Детектив).

ISBN 978-5-04-174957-6

Обводной канал Санкт-Петербурга издавна имел плохую репутацию. В конце XIX века в воде стали находить пугающие фрагменты тела мужчины. Это ужасное убийство взялся расследовать известный сыщик Свистунов, а помогать ему — верная горничная Глафира... Криминальные события, потрясшие весь Петербург, находят неожиданное продолжение в XX веке, в котором главные герои узнают — их беды начались очень и очень давно...

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-174957-6

© Лисовская В., 2023

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

Автор настаивает, что все совпадения в книге случайны, хотя некоторые из них основаны на реальных событиях, происходивших в одном из самых мистических городов мира...

(От автора)

В моем окне на весь квартал
Обводный царствует канал...

(Н. Заболоцкий)

*Санкт-Петербург. Октябрь 1893 г.
Набережная Обводного канала*

П*ронизывающий холодный ветер, серый клочковатый туман — вечные спутники этого тусклого гиблого места, порядочные люди стороной обходят эту заводскую окраину города. Фабричные рабочие, мастеровые, извозчики, а также бродяги, пьяницы, сумасшедшие всех мастей находят себе приют на негостеприимных склонах Обводного канала, который местные называют не иначе как Канава.*

Сегодня на Канаве близ Можайской улицы вовсю кипела работа. Судорабочие разгружали тяжелую баржу, трудились в поте лица. Вдруг внимание одного из них — крупного рыжебородого здоровяка — привлек плывущий по волнам Канавы сверток.

— Смотри, Афанасич, смотри, кажись, плывет че-то! — ткнул он локтем, заросшим рыжими волосами, своего товарища.

— *Хде? — Утер пот со лба старой тряпницей
высокий худой мужик.*

— *Да вона, смотри! — показал на сверток
рыжий.*

— *Че-то есть! — поддакнул третий рабочий.*

*И вот уже все рабочие забросили баржу, пы-
таясь рассмотреть странную находку.*

— *А может, тама клад плывет?! Или еще
чаво стоящего? — запрыгал на месте от нетер-
пения рыжий.*

Афанасич с сомнением покачал головой.

— *Да ну, Ванька, какой тута клад может
быть? Скорее всего, котов потопили или еще
чаво непотребного!*

*Эх, знал бы Афанасич, какого рода непо-
требности покоятся в этом свертке, они бы ни
в жизнь его не вытащили. Но судьба распоря-
дилась иначе, и, поднатужившись, измазавшись
в грязной топи Обводной Канавы, рыжий Вань-
ка все-таки вытащил из воды сверток.*

*Все рабочие столпились возле него, разгля-
дывая находку.*

*Сверток был небольшой, несколько аршинов
в ширину, завернутый в грязно-синюю тряпицу,
на вес тоже не шибко тяжелый.*

*Ванька с осторожностью развязал его
и тут же еле смог сдержать оглушительный
крик. В грязно-синюю тряпицу было завернуто*

человеческое туловище без рук, без ног, без головы. Рыжий с горячностью выматерился, Афанасич принялся неистово креститься.

*Петроград. Январь 1923 г.
Набережная Обводного канала*

— Как вы не понимаете, здесь нельзя строить! Это уникальный археологический объект, аналогов этому нет в мире! — Историк Латынин потряс сжатыми в кулаке очками перед лицом прораба Дубенко.

— Ты это... мне тут саботаж не разводи! У меня сроки горят! Теплотрасса для города нужна! А ты мне препятствия чинишь, мать вашу за ногу! — зарычал на него прораб.

— Но это же сенсация, важное историческое открытие, надо все изучить, исследовать! — горячо воскликнул Глеб Васильевич Латынин.

— Ой, да что ты понимаешь! Подумаешь, пару камней откопали, да еще кости старые! И вообще — это ваши буржуазные предрассудки! Для советского общества теплотрасса важнее, чем старые камни!

— Но это же история. Археологический объект! Нельзя же все порушить! — Глеб Ва-

сильевич устало прислонился к камням на набережной. — Нельзя так, там захоронения...

— Захоронения! А у меня план, у меня рабочие, мне на твои древние кости начхать! Тоже мне ценности, мать вашу! И вообще, история у нас началась с семнадцатого года, с Революции. Остальное — все царские прихвостни вроде тебя только надумывают. А будешь мне чинить препятствия, я заявлю на тебя куда следует, — понизив голос, прошипел на ухо Латынину прораб. — Ты понял меня?

— Но это капище, точнее захоронение одиннадцатого — двенадцатого века, скорее всего, имеет скандинавское происхождение, и вы не имеете права... — Ученый принялся внимательно разглядывать каменные плиты, которые откопали рабочие при строительстве теплотрассы. — Это уникальная находка, надо изучить эти надписи, возможно, это поможет...

— Я знаю, что тебе поможет. Василь, иди сюда. — Дубенко поманил рослого детину. — Проводи этого товарища и смотри, чтобы я его здесь и близко не видел.

— Но тут останки древних людей, это археологическая древность, — пытался протестовать Латынин, пока его отволакивали от вырытого раскопа.

— Там древние люди, они давно мертвы, а мне живых кормить надо и план выпол-

нить, — заорал на него Дубенко, прибавив несколько ярких матерных выражений. — И вообще, глядь сюда, профессура. — Прораб вскочил на центральный камень, весь испещренный загадочными символами, и принялся танцевать на нем чечетку. Под звучный смех рабочих он принялся подкидывать в руках гладкий череп с бездонными провалами глазниц, под конец пнул его ногой, зафутболив в воды канала. Как только череп коснулся воды, небо над каналом почернело, яркая вспышка озарила небо, и все присутствующие невольно поежились.

Глеб Латынин с ужасом наблюдал, как новая красная школа обращается с уникальными историческими находками. А Игнат Дубенко почернел лицом, ему на секунду показалось, что, прежде чем череп долетел до вод Обводного канала, он послал ему ослепительную улыбку, и даже, казалось бы, послышался громкий жуткий хохот.

Санкт-Петербург. Октябрь 1893 г.

Меблированные комнаты на реке Мойке

— Глашенька, любезная вы моя, далеке ли завтрак мой? — Аристарх Венедиктович с тоской и обреченностью в глазах заглянул на кухню, где вовсю шли приготовления к трапезе. —

Ну, рябчиков что-то дюже захотелось или хоть буженинки томленной! — поднял на служанку глаза господин Свистунов.

Глафира, колдовавшая над плитой, недовольно кивнула хозяину.

— Аристарх Венедиктович, побойтесь бога, вам же доктор Аркадий Семенович предельно ясно сказал, все объяснил, вам нельзя никаких рябчиков, тем более буженины! — всплеснула она руками. — У вас сердце слабое, доктор вас на специальный рацион посадил. Кашку манную я вам сварила, — схватилась она за тарелку.

— Ну Глашенька, ну какая кашка! Что ты в самом деле! — надулся Свистунов. — На манке у меня сердце само не выдержит, — капризно надул он губы.

— Аркадий Семенович крепко-накрепко приказал мне не поддаваться на ваши просьбы и провокации, это же ради вашего здоровья, Аристарх Венедиктович. — Глаша положила кашу в тарелку, но, увидев умоляющий взгляд хозяина, добавила кусочек сливочного масла.

— Аркадий Семенович приказал, — передразнил он горничную. — Вообще-то я твой хозяин, а не доктор Бодрин, — вяло ковыряясь в каше, добавил Свистунов. — Вот помру я от каши манной, вам всем стыдно будет!

— От моей каши еще никто не умирал, а доктор Бодрин сказал, что вам обязательно нужно скинуть... ммм... ну несколько фунтов точно, — критически оценила дородную фигуру Свистунова Глафира.

Честно говоря, Аристарху Венедиктовичу следовало бы скинуть гораздо больше, чем несколько фунтов, но обижать хозяина Глафира совсем не хотела. Несмотря на все их трения, Свистунов в глубине души был неплохим человеком.

— Не ценишь ты меня, Глашка. — Свистунов намазывал огромным куском масла белый рассыпчатый хлеб. — И доктор твой Бодрин тоже меня не ценит.

Глаша неодобрительно покачала головой, рассматривая толстенный бутерброд с жирным маслом, но не отбирать же его силой у хозяина.

— Доктор Бодрин совсем не мой — это во-первых, а во-вторых, Аристарх Венедиктович, вы сами вспомните, как вам плохо стало на прошлой неделе, как сердечко прихватило. Аркадий Семенович сказал, это из-за того, что слишком много жирного и сладкого вы едите.

— Ой, много понимает твой Аркадий Семенович, мне плохо стало из-за прошлого расследования, а мне для важной мыслительной работы сладкое позарез нужно. — Свистунов показал жест ножом по горлу. — Сахар активизирует работу

мозга вообще-то, но ты, милая, об этом не знаешь, научных журналов не читаешь, просвещаться не желаешь, только с кастрюлями тут топчешься, да еще меня, меня — самого лучшего сыщика Санкт-Петербурга — куском хлеба... с маслом... попрекаешь, — откусывая огромный кусок бутерброда, заедая все манной кашей, заявил Свистунов.

— Я? Попрекаю? — Глафира аж опешила от несправедливых обвинений. — Да как вы можете? Да ни в жизнь! Да я! — Она закрывала и открывала рот от удивления.

«Вот и помогай после того этому толстому увальню!» — подумала горничная.

— И вообще, Глашенька, подай мне медицинский справочник с верхней полки, да-да, этот. Вот послушай и запомни, может, еще в жизни пригодится: «Причины остановки сердца и болезни сердца являются сердечная недостаточность, пороки сердца, различные виды аритмии, кардиомиопатии (поражения сердечной мышцы), а также хронический алкоголизм или употребление наркотических или лекарственных средств». Запомнила, Глаша? Про сладкое и жирное тут ничего не сказано! Вот так! — Поднял он вверх пухлый палец.

Глафира улыбнулась и покачала головой.

Аристарх Венедиктович отложил медицинский справочник, поерзал на месте, потом

с трудом поднял свои внушительные телеса и полез в угловой буфет, где хранились продукты, достал большой шматок сала и, даже не разрезая его, впился в него зубами.

Глафира только хлопала глазами. Вот и первый день рациона здоровья — сало с жирным маслом, зря она тут манку варила все утро!

Она открыла рот, чтобы напомнить заветы кардиолога, но сказать ничего не успела — дверной колокольчик оповестил о прибывшем госте.

— Глашенька, ты кого-то ждешь? — приглаживая заляпанное маслом усы, спросил Свистунов.

Девушка отрицательно покачала головой.

— Тогда это, наверное, клиенты. Веди их сразу в мой кабинет, а я сейчас подойду, — догрызая кусок сала, заявил самый лучший сыщик Санкт-Петербурга.

Глафира кивнула и отправилась открывать дверь.

*Петроград. Октябрь 1923 г.
Набережная Обводного канала.
Близ Боровского моста*

— Что им, дуракам таким, топиться, что ли, больше нигде? — ворчал милиционер Спицын, вынужденный патрулировать выделенный ему участок моста.